



*Ана Мария  
Портнова*

СЛЕПАЯ  
НАИВНОСТЬ

Ана Мария Портнова

**Слепая наивность**

«Книга-Сэфер»

2017

**Портнова А.**

Слепая наивность / А. Портнова — «Книга-Сэфер», 2017

ISBN 978-965-7288-32-0

«Все, что здесь написано, возможно, не претендует на Гонкуровскую премию и скорее всего, не станет классикой, но то, что это выношено и выстрадано – это факт. Автор подкупает какой-то тяжеловесной простотой: читать легко, а мысль будоражит. Определенно не советую читать людям умиротворенным и равнодушным. От души советую автору, если эти рассказы прочтут и признают 10 читателей, продолжать вбрасывать в нас свою любовь и доброту».Л.Я.Дединский

ISBN 978-965-7288-32-0

© Портнова А., 2017  
© Книга-Сэфер, 2017

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Вместо предисловия                | 6  |
| Слепая наивность                  | 8  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 16 |

# **Ана Мария Портнова**

## **Слепая наивность**

*Посвящается  
моему лучшему другу  
Л.Я. Дединскому*

Книга издается в авторской редакции  
Верстка и оформление – Нелли Васильнищкая

Издательство Книга Сефер +(972)50-242-3452

<https://www.kniga-sefer.conn/>

<https://www.facebook.com/KnigaSefer>

[book@kniga-sefer.com](mailto:book@kniga-sefer.com)

[kniga@kniga-sefer.com](mailto:kniga@kniga-sefer.com)

## Вместо предисловия

Уважаемые господа судьи! Уважаемые господа присяжные заседатели! Почтенная публика!

Мое выступление, как обвинителя и защитника обвиняемой, может состояться, только если из зала будут удалены все женщины. Это необходимо из-за того, что полные подолы и карманы набиты камнями и не успеет судья зачитать приговор, подсудимая будет забита. Мужчины тоже могут принять в этом участие, но без женщин они безынициативны и угрозы не представляют.

Теперь, уважаемые мужчины, откровенно взгляните на эту женщину, мысленно сбросьте с нее арестантский халат и представьте ее в некоторых эротических позах. Я уверен, что тогда половина из вас уронит семя свое в землю. Если остальные приблизятся к ней и вдохнут призывный запах ее тела, с ними произойдет то же самое. Те несчастные счастливицы, которые познают ее как женщину, до конца жизни ни с одной другой женщиной не смогут сблизиться. История знает и помнит таких женщин: Нефертити, Клеопатра, Мессалина, Помпадур, Кармен и царица Тамара...

Да, господа мужчины, и эта женщина, по праву причисленная мной к числу незабываемых, подняла голос, замахнулась на самое святое для них же, на тот обожаемый мужской орган, ось человечества, извергающий из себя семя, от которого происходит все человечество! Как могло такое случиться? Как такая мысль повернулась в этой умной, логичной, но чуть-чуть сумасшедшинкой, голове?

Господа! Это была обвинительная часть моего выступления, разрешите перейти к защитной. Мне придется начать с *ab ovo*, от яйца, то есть от зачатия.

Это произошло ни в вероломном изнасиловании, ни в пьяном угаре, ни в дружеских нечаянных прикосновениях и, конечно же, не в бешеной страсти. Это произошло в тихой, будничной, осмысленной нелюбви, почти неприязни.

Физиологические законы, как и все законы мироздания, работают вне эмоций, желаний и даже потрясений. Девочка родилась нормально, в срок, кормили сытно, одевали чисто. Родители ее больше воспитывали, чем любили. И вот парадокс природы: как в чахлой, безводной пустыне вырастает напитанный влагой кактус, так и наша девочка была переполнена желаниями, страстями, позывами плоти, но жестокая мама и менторски настроенный папа ни своим примером, ни назиданиями или смелым разговором не помогли ребенку разобраться в себе самой.

К мужу она пришла девственницей, тем не менее, он обрушил на нее свое звериное мужское недоверие, ревность, на одном лишь основании, что красивая женщина не может быть верной.

Как травинка пробивает асфальт, так и наша девочка вопреки всему любила мужа, родила дочь, но супруг уходил все дальше и дальше от нормальных отношений. В конце концов, своей ревностью и вольным образом жизни он довел ее до порога суицида. То, в чем ее всегда обвиняли, то, чего она всегда боялась – секс – и не дало ей перешагнуть этот порог. Но и тут ей не повезло: секс был не по любви, а по расчету. Ее использовали аферисты и вскоре муж начал шантажировать ее видеозаписями с камер, установленных в квартире любовника, угрожая показать их взрослеющей дочери.

После развода и шокового распада личности наша несостоявшаяся невинность обрела свободу и вышла на широкую дорогу любви, счастья, обладания своим и мужским телом.

Я полагаю, господа, что моя защитительная речь закончена. Я убедил вас в том, что слова моей подзащитной о том, что мужской орган и все с ним связанное не является стержнем

всего живого – результат уродливого воспитания родителей и болезненной ревности мужа. Помилуйте, это же был вскрик, писк, эротическое возбуждение, на вас же и направленное!

Эта женщина, с проснувшимися страстями и осознанными уже возможностями обожает этот орган и все с ним связанное, а ее словесная девственность – просто остатки детских комплексов и страхов.

Исходя из вышеизложенного, я прошу, а, вернее, – требую! Учтите, господа, что я не только обвинитель-защитник, но и автор и все вы находитесь на кончике моего пера, я могу вас вычеркнуть, стереть, но я и моя подзащитная – мы живые и полнокровные.

Итак, я требую:

– освободить в зале суда, вернуть ей ее одежду (она с большим вкусом одевается и с еще большим – раздевается).

– извиниться перед ней, поцеловать ее кончики пальцев.

– не открыть, а распахнуть все парадные двери, встать в шпалеры и провожать ее не криками, а шепотом: «Богиня!»

И взгляните, пожалуйста, в окна. Вы видите: ее ожидают десятки любовников, возлюбленных на «Роллс-ройсах», в каретах, а вот один на коне в латах, под шлемом, худой, с пикой и усами, вероятно, это сам Дон Кихот Ламанчский.

Я кончил, господа! Вы, чувствую, тоже.



## Слепая наивность

Ритина мама не была завистливым человеком. Единственной причиной ее зависти были чужие дети. Никто не узнает, действительно ли она считала свою дочь хуже других или таким образом стремилась стимулировать ее к улучшению, но она беспрерывно ставила ей в пример чужих детей. Для нее все вокруг были чем-то лучше Риты. Многие годы бедная девочка всеми возможными способами пыталась заслужить материнскую любовь, но в маминых глазах оставалась недотепой.

Папа же действовал наоборот: он всегда восхищался дочкой, занимался ее духовным и интеллектуальным развитием и воспитывал в ней уважающую себя английскую леди. Рита его обожала. Ей всегда было с ним интересно. В детстве он мастерил ей кораблики, и они ходили на озеро их запускать, часто гуляли пешком и папа пересказывал ей книги и читал стихи. Чтобы мама не возмущалась их прогулками, папа иногда прибежал к маленьким хитростям.

- Детка, хочешь, завтра в лес пойдем?
- Очень! А мама разрешит?
- А мы с тобой сделаем уборку. Ты где хочешь убирать?
- В ванной.
- Ну, давай, не спеша, а я – в комнатах.

Мама, хоть и была обезоружена уборкой, но все-таки бурчала:

- Нет, чтобы чем-то полезным заняться, лишь бы им шлаться где-нибудь!

Папа был легок на подъем, начитан, малодушен и труслив. Быстрая походка, остроумная речь, и лукавые чертики в глазах придавали ему вид озорного мальчишки. Его излюбленным девизом было: лучше идти без цели, чем сидеть без дела.

После очередной ссоры с мамой они с Ритой шли куда-нибудь гулять, и папа жаловался на маму. Рита всегда была на его стороне, но если она вмешивалась в ссору, то папа «затыкал ей рот» и потом проводил беседы о том, что с мамой нельзя ссориться. Это двуличие Рита долго считала благородством. Мама же, встретив конфронтацию Риты, кричала: «Убирайтесь со своим родителем вместе, если я вам такая плохая!» Мама была зеленоглазой красавицей с волнистыми светло-русыми волосами, женственной фигурой и красивым голосом, прекрасной хозяйкой, умеющей вкусно готовить, безукоризненно держать дом и по части порядка и по части финансов, обшивала Риту, как принцессу и беспрерывно со всеми скандалила.

Родители работали на одной фабрике, но в разные смены. В будние дни, особенно когда дома был папа, в квартире было тихо. Выходные отличались одной-единственной традицией, заведенной в этой семье – общей трапезой. Обычно мама просыпалась раньше, готовила завтрак, и за столом непременно заходил разговор о фабрике, о том, какие там все плохие и по какому случаю с кем произошел конфликт. Иногда первым просыпался папа и жарил гренки из халы. Мама просыпалась от дыма, заполнившего всю квартиру, и утро начиналось со скандала. Тем не менее, за столом неизменно происходил разговор о дураках, мерзавцах и ворах, работающих на фабрике. Однажды Рита попробовала сыронизировать по поводу того, что родителям не о чем было бы разговаривать, если бы они работали на разных предприятиях, но папа обиженно произнес какую-то пафосную фразу на счет общих интересов. Других общих интересов, кроме общей работы, у них не было. Мама не читала книг, считала это пустой тратой времени и признавала только учебники, дающие практические знания. Папа в своей начитанности был абсолютно оторван от реальности и в силу своей близости с дочерью, усиливал ее врожденный идеализм.

Шли годы. Послушная девочка Рита вошла в переходный период. Время, когда она в слезах вырывала все красные листы из отрывного календаря, потому что все выходные и праздники были омрачены скандалами, прошло. Она стала протестовать и огрызаться. По отно-

шению к матери возник дух противоречия, по отношению к отцу – сочувствие. Однажды, отправившись с отцом на прогулку после очередного скандала, она сказала:

– Папка, давай уедем куда-нибудь. Нет больше сил это слышать.

– Если я даже уеду, детка, то один.

Рита с ужасом взглянула на него.

– Да-да, девочка должна быть с мамой, – закончил отец.

Рита ничего не смогла ответить. Она сдержала слезы, сглотнув ком в горле. В этот миг она поняла, что не нужна никому из родителей, и что каждый из них может отречься от нее в любой момент. В душе, в которой и так никогда не было особенно тепло, поселилось полное безразличие. Сочувствие к отцу превратилось в брезгливую жалость. С этого дня Рита отстранилась от родителей.

Закончились школьные годы, прошла безответная первая любовь. Рита очень хотела поступить в ветеринарное училище, но тут родители проявили удивительную солидарность и дружно высмеяли Ритину мечту. Они твердили, что по окончании этого училища ее отправят в Тьмутаракань крутить коровам хвосты. Ставшие привычными в быту Ритины протесты были лишь внешними, но ее воля была парализована мамиными запретами и оскорблениями и папиным превозношением, что, мол, его дочь достойна лучшего. Кроме своей ненавистной работы родители ничего не знали, поэтому настояли, чтобы Рита поступала в техникум легкой промышленности. Она не стала вслух возражать, чтобы избежать изнурительного натиска, сопровождавшегося словами о том, что все для ее пользы и что она не ценит того, что они для нее делают. Она просто не пошла на экзамены. Сделала вид, что пошла, а сама просидела час в их любимом с подружкой кафе, где подавали вкуснейший грибной суп и блинчики с различными подливками. Через несколько недель она, якобы, съездила узнать результат и узнала, что провалилась и они начали поиски работы. Узнали о вакансии на пищевом предприятии, и Рита стала сдавать необходимые для этого анализы. Среди них нужна была и справка от гинеколога. К врачу Риту сопровождала мама. Гинеколог задала Рите несколько вопросов, на которые ответила мама и почти не осматривала ее. Получив заключение и выйдя от врача, они некоторое время шли молча. Мама была злобно напряжена. Живя в постоянных скандалах, Рита даже по ритму ее дыхания предчувствовала, что сейчас грянет буря.

– Я сказала врачу, что ты – девственница, но откуда я знаю? Ты гуляешь допоздна, черт тебя знает, где и с кем ты шляешься?

Обида стиснула Ритино сердце. Это было так несправедливо и оскорбительно! Ей было 17 лет, но она была настолько наивна и несведуща в этом вопросе, что чувствовала себя совершенно беспомощной. Все свое свободное время она проводила с подружками, с которыми ходила либо в кино, либо в театр, либо на природу. Она несколько раз безответно влюблялась, и все ее чувства выливались в многочасовые занятия музыкой. Руки играли, глаза плакали, душа успокаивалась. Разговор после визита к гинекологу был вторым разговором на сексуальную тему. Первым было мамино предупреждение по поводу начавшихся месячных: «Держись от мужиков подальше, у них одно на уме!».

– Мама, почему ты со мной так? – голос у Риты задрожал.

– Ой, только не начинай истерику! Я – мать! Я за тебя отвечаю и имею право спрашивать!

Рита взяла себя в руки и зло сказала:

– Давай вернемся! Выскажи врачу свои подозрения. Пусть при тебе проверит, чтобы ты не сомневалась.

– А толку что? Может ты и девственница, подумаешь. Никакой врач мне не докажет, что ты в рот не берешь.

У Риты потемнело в глазах. Прежде всего, ее ум был девственным, и она понятия не имела о сексуальной жизни, но все, что исходило из уст матери, было грязно и оскорбительно.

Это обвинение лишило ее дара речи. Несколько лет она никому не могла рассказать об этом разговоре и жила с растерянностью и болью в душе.

Так год за годом родители, каждый в своей манере, укрепляли ее комплексы неполноценности, и Рита жила, совершенно не зная, какой она человек. Она была очень симпатичной, смешливой, искристой девушкой с красивой фигурой и шикарными волосами темно-каштанового цвета. Она много читала, неплохо рисовала, несколько лет занималась музыкой, пока мама не довела ее ежемесячными скандалами по поводу ненужных растрат на ее треньканье. За исключением школьных влюбленностей, парнями Рита не интересовалась, и это было взаимно. При всей своей легкой искристости, кокетства в ней совершенно не было, да и откуда ему было взяться?

Работа на пищевом предприятии не заладилась, и родители решили устроить ее к себе на фабрику. В этой идее отразилось два качества, объединявшие родителей – их высокомерная нелюбимость и желание непрерывного контроля над дочерью. Рита сдалась без боя, она устала спорить с ними по любому поводу и понимала, что это бесполезно.

Работа очень быстро и очень круто изменила ее отношение к себе. Вся цеховая молодежь дружно к ней потянулась и полюбила, несмотря на то, что Рита была младше остальных. В школе Рита была серой мышкой, а здесь она стала центром компании. Она была на разрыв нужна всем и каждому. К ней шли с радостью и с болью, к ней шли за советом. Это было непонятно, но очень приятно. Она была добра и искренна со всеми, не осознавая, что она гораздо лучше, чем сама о себе думает.

Однажды, в конце второй смены, когда начальство ушло, девчонки собрались у Ритиногo рабочего места и одна из них с напором спросила:

– А ну колись, кто он?

– Кто?

– Ну тот, с кем ты встречаешься.

– Я ни с кем не встречаюсь.

– Почему вы поссорились?

– Да не ссорилась я ни с кем! Я просто ни с кем не встречалась!

Немая сцена сопровождалась переглядыванием девчонок между собой.

– Совсем ни с кем? Никогда?

Рита отрицательно покачала головой. Все были в шоке. Они ходили к ней, как к мудрому асакалу, как к профессиональному психологу, доверяли свои секреты, она даже иногда сочиняла любовные письма, которые помогали подругам наладить отношения со своими парнями. И что интересно: ее советы всегда оказывали положительное действие. И тут вот такое откровение! Это потрясение родило новую идею. Было решено устроить новогодний вечер с приглашением парней из военного училища. На следующий день подружки собрались по этому поводу, составили план действий, распределили обязанности и живо включились в работу. Рита горела в этом процессе, подавала массу идей и помогала другим. Вечер удался. Было и вкусно и весело. Естественно, она познакомилась с парнем, но зарождающийся роман тут же и окончился. Выйдя подышать воздухом, курсантик зажал ее с теневой стороны колонны и навалился всем телом, пытаясь поцеловать. Рита спокойно и сильно высвободилась и сказала: «Больше ко мне не подходи». Она совершенно не осознавала своей сексуальной притягательной силы. Внешне она была легка, а внутренне скована. В этом-то и заключался тяжелейший внутренний конфликт. Ее закомплексованность была следствием запретов, насмешек, наставлений и презрительных отзывов родителей. Хорошего примера взаимоотношений между мужчиной и женщиной у нее не было: она никогда не видела, чтобы они целовались, обнимались или даже смеялись вместе. Да что там говорить, они и друг о друге-то никогда хорошо не отзывались, исключая папины лицемерные душеспасительные беседы по поводу маминых оскорблений в адрес дочери. Рита выросла, наливалась жизненным соком, чувствовала в себе

зарождение каких-то новых, пугающих желаний, но как только парень распустил руки, у нее в памяти всплывали разговоры о том, как должна вести себя уважающая себя девушка и мамин допрос после визита к гинекологу.

Однажды ее попросили выйти в другую смену вместо заболевшей работницы. Рита начала работу, но сквозь шум своей машины услышала голос, от которого по всему телу побежали мурашки. Она выключила машину и прислушалась. Несколько мужских голосов не то спорили, не то обсуждали что-то и тот самый звучал все ближе и ближе. У Риты все внутри похолодело. Это был голос ее одноклассника Сергея, в которого она была безответно влюблена в 10 классе. Через минуту она увидела, конечно, не Сергея, а среднего роста крепыша, похожего на актера Льва Прыгунова.

– Привет! Ты новенькая? Как зовут?

– Рита.

– А, это ты – дочка Григорьевых? Понятно. Ты на маму похожа. Она у тебя красивая, но стерва. Да и папу твоего мало кто здесь уважает. Трудно тебе будет. Ну, работай. Меня Жора зовут. Увидимся еще.

Эти слова были откровением, но смысл сказанного отступил перед голосом, который вернул ее в несостоявшуюся любовь. Всю смену она проработала, как в тумане. В конце рабочего дня Жора положил на ее тумбочку пакетик конфет и попрощался. В это время подошла мама, чтобы идти вместе домой.

– Чего это вдруг он тебе конфеты дарит? Уже снюхались?

– Мама, да прекрати! Я его вижу в первый раз!

– То-то же, в первый, а уже с подарками подкатывается, блядун чертов! Чтоб я его возле тебя больше не видела!

– Так ты это ему скажи!

Риту почему-то ужалили мамины слова. Она никогда в жизни не слышала от мамы положительных отзывов о людях, но знакомившись с ними, понимала, насколько мамино мнение несправедливо. А вот сейчас Рита услышала мамино неодобрение по поводу человека, который ей уже понравился. «Силу вспыхнувшего чувства, – писал Стефан Цвейг, – нельзя измерить непосредственным поводом к нему, не беря во внимание той черной полосы тоски и одиночества, предваряющие все большие события в жизни сердца». Слишком уж долго Рита жила без любви. Отношение к ней родителей назвать любовью было трудно, всеобщая симпатия со стороны молодежи была только интересным и приятным времяпровождением, но этот Жора... Мамины слова и обидели и насторожили.

Рита думала о Жоре постоянно и однажды мельком встретила с ним в пересменку на проходной. Жора поздоровался, Рита ответила и зарделась. Подружки заметили: «У, Ритка, наш Жорик на тебя глаз положил! Держи ухо востро: он бабник и любитель выпить». Вот как! Значит, мама права. Увы, в 18 лет мы не хотим прислушиваться к умным советам, особенно когда влюблены.

Спустя несколько недель, она ехала в автобусе домой от подруги. Хлестал ливень. Пока Рита ждала автобус, она успела промокнуть, потому что не взяла с собой зонт. Был август, но мокрая одежда прилипла к телу и очень хотелось побыстрее добраться домой, принять теплый душ и выпить чашку горячего чая с лимоном. Как назло, автобус остановился в пробке, и сквозь струи дождя она увидела его. Рита стала, извиняясь, энергично проталкиваться к выходу. Автобус чуть тронулся и проехал 10–15 метров и она, сама себе удивляясь, закричала:

– Ой, водитель, остановите, пожалуйста, мне срочно надо выйти!

Благо колонна машин трогалась очень медленно, водитель открыл двери, Рита вышла и побежала.

– Подожди меня, не уходи! – просило ее сердце.

Она не знала, где жил Жора и не ожидала его увидеть, но раз уж увидела, то надо встретиться. Она тут же усмотрела не случайность в том, что она задержалась у подруги, что она села именно в этот автобус и даже дождь ей казался знаковым. Она сама себе казалась Суламьфью, мчавшейся на встречу с царем Соломоном.

Добежав до дома, возле которого Рита заметила Жору, она осторожно заглянула за угол. Жора разговаривал с каким-то мужчиной, они оба стояли к ней боком. Тогда она выровняла дыхание и медленным прогулочным шагом пошла дальше по тротуару. В ней бушевало столько чувств, что когда Жора удивленно окликнул ее, она чуть не потеряла сознание. В каждой женщине от рождения заложена актриса. Рита совладала с собой и разыграла удивление:

– О, привет! Ты здесь живешь?

– Да, вот мой подъезд. А ты откуда и куда?

– От подруги домой.

– Да ты промокла насквозь! Зайди, обсохнешь у меня.

Они зашли в небольшую трехкомнатную квартиру, наполненную запахом дешевого мужского одеколona, стирального порошка и сигаретного дыма. Жора на минуту зашел в другую комнату и вынес Рите мужской махровый халат:

– Вот, возьми, он свежий.

Рита зашла в ванную и тут же заметила, что на дверях нет ни крючка, ни щеколды. Ее охватило незнакомое волнение – смесь страха и желания. Она разделась, зашла в ванну и открыла кран. Нервы были настолько напряжены, что когда за дверью раздался Жорин вопрос:

– Помощь не нужна? – она тут же вскрикнула:

– Нет!!!

– Ну нет, так нет. Чего ты так пугаешься?

Рита налила в ванну немного теплой воды и легла, пытаясь успокоиться. Ее не покидало ощущение, что Жора подглядывает за ней. Это и пугало и будоражило. Отогревшись немного, она тщательно вытерлась и надела Жорин халат. Он оказался без пояса, и Рите пришлось выйти в кухню, запахнувшись и придерживая полу халата рукой. В кухне было тепло. Жора включил две конфорки, на одной из которых кипел чайник. Ритино мокрое платье он повесил на плетеный стул и направил на него вентилятор. На столе стоял странный натюрморт: тарелка с бутербродами, тарелка с солеными огурцами, керамический чайник, две чашки, две рюмки и начатая бутылка водки. От водки Рита сразу отказалась, но чай с бутербродом пришелся очень кстати. Жора не стал уговаривать Риту выпить, налил себе, выпил залпом, занюхал хлебом, захрустел огурцом и лишь потом приступил к бутерброду с чаем. Этот эпизод сильно сбил ощущение романтики в душе у Риты. Она почувствовала разочарование, но только до тех пор, пока Жора не заговорил.

– Как твои старики не понимают, что все шишки, которые от них отлетают, полетят на тебя?

– А за что их не любят?

– Не любят – не то слово! Ненавидят. Твоя мамаша – самодур и деспот. К людям относятся, как к грязи. Папаша – высокомерный псих. Работу свою они знают хорошо, поэтому выжить их невозможно. Они сами не крадут и другим не дают. Ну, мамаша хоть материально ответственная, за место свое переживает, а батя так, по убеждениям.

– Ну так то они, а то я. Я же никому зла не делаю и меня любят.

Жора закурил.

– Молодежь погоды не делает, а к тебе все относятся, как к засланному шпиону.

– О, Господи! Да мне не до кого дела нет!

– Я-то тебе поверю, но мы работаем в такой среде, где никто никому не доверяет.

Рита расстроилась, отставила чашку и, задумавшись, облокотила голову на руки. К волнению тела прибавилось волнение души и ума. Жора ей нравился, от его голоса она трепетала,

он дал очень точную характеристику ее родителям, нарисовал ей ее плачевную перспективу... и эта водка, занюханная хлебом...

Все было такое противоречивое! Волнение не проходило, не смотря на какое-то смутное предчувствие чего-то нехорошего, а усиленное этим предчувствием. Пока Рита сидела, задумавшись, Жора засмотрелся на выемку на ее груди, выглянувшую из чуть распахнувшегося халата. Он погасил сигарету и сказал:

– Надеюсь, что характером ты на своих стариков не похожа, но ты такая же красивая, как твоя мама.

Рита опустила руки на стол, посмотрела на Жору и стеснительно улыбнулась. Стол был круглый, сидели они рядом. Жора взял ее руку, поцеловал внутреннюю сторону ладони, глядя ей в глаза, от чего у нее зашекетало вокруг пупка, и рывком посадил ее себе на колени. Она почувствовала на губах его сильный, горький, пахнувший перегаром поцелуй. Ее была нервная дрожь, а в голове, как скоростная съемка, заметались картинки и вопросы без ответов: «Что я делаю? Это хорошо или плохо? Где, курва, шлялась? Уважающая себя девушка такого не позволит! Откуда я знаю, что ты – девственница? Что, уже снюхались? Смотри в оба: он бабник и любитель выпить...» Этот спутанный внутренний диалог мешал сделать что-то, чего хотело тело, и Рита не знала, к чьему голосу прислушаться. Жора распалился от поцелуя, распахнул ее халат и прикоснулся к груди. Ей было безумно приятно и стало еще страшнее. Она мысленно взмолилась: «Господи, помоги! Подскажи, что мне делать!» За окнами кухни (квартира была на первом этаже) раздались приближающиеся голоса:

– Ты уверен, что дома никого нет?

– Да, брат в это время на работе. В крайнем случае, спит пьяный в своей комнате.

Через минуту в замке повернулся ключ. Жора с Ритой отпрянули друг от друга. Рита запахла халат и села на свой стул, а Жора стал собирать посуду со стола. На пороге появились парень и девушка.

– О, здрасьте! Жора, а я думал, что ты на работе. Извини.

– Меня попросили выйти сегодня в первую смену, – угрюмо ответил Жора.

– Я уже ухожу, – сказала Рита. Мое платье высохло. Спасибо за обогрев и угощение.

Жора, еле сдерживая злость, холодно сказал:

– Я тебя провожу.

Рита взяла платье и пошла в ванную переодеться. Попрощавшись с братом и его девушкой и выйдя на улицу, он с раздражением сказал:

– Черт его принес именно сейчас!

– Все – к лучшему, – подумала Рита, но промолчала.

За несколько метров до автобусной остановки им встретилась незнакомая Рите женщина, с которой Жора поздоровался.

– Может, завтра погуляем где-нибудь? – спросил он, когда они подошли к остановке.

– Сомневаюсь. Я обещала маме помочь, она затеяла генеральную уборку.

– Ну ладно, как-нибудь в другой раз.

Жора обнял и поцеловал Риту, но на этот раз трепета ни в теле, ни в душе у нее не было. Его волнующий голос вошел в диссонанс с запахом перегара и к этому прибавились воспоминания о залпом выпитой рюмке водки, занюханной хлебом, слова брата, предупреждение мамы... На душе стало паршиво. Б-г второй раз на сегодня помог Рите, подошел автобус, и у нее появилась дополнительная причина поскорее уйти. Рита села в полупустой автобус. Было уже темно. Она снова проехала мимо того места, где несколько часов назад увидела Жору и скептически улыбнулась сама себе. Плакать не хотелось. Хотелось просто уединиться и надолго уснуть.

– Ну и где ты шлялась до сих пор, – услышала она обычное мамино приветствие.

– Отстань, я спать хочу, – безразлично ответила Рита и закрылась в своей комнате.

Наутро папа разбудил женщин к завтраку с гренками. За столом было все то же многолетнее обсасывание костей сотрудников, которому Рита на этот раз была рада, потому что это дало ей возможность сосредоточиться на своих мыслях. Настроение было убийственное и хорошо, что родители были заняты своей излюбленной темой.

С начала недели Рита снова вышла в свою смену. Вроде бы все было, как раньше, но атмосфера изменилась. Обычно все встречали ее радостно, но сегодня здоровались как-то сухо, делово. Ей даже показалось, что некоторые делают вид, что не заметили ее. Перед обеденным перерывом к ней подошла 25-летняя Лариса, которой Рита помогла наладить отношения с ее парнем.

– Рита, ты сделала для меня большое дело и я хочу дать тебе один совет. Я видела на днях, как вы с Жорой друг на друга смотрите. Берегись его. Нехороший он человек, примитивный и подлый. Говорят, что он женился на девушке только, чтобы переспать с ней и бросил ее сразу после свадьбы. Завяжешься с ним – не отмоешься. И еще хочу сказать... ты классная, мы все относимся к тебе с большой симпатией, но мы – люди подневольные...

– Ты о чем, Лариса?

– Не обижайся на нас, но нам не разрешают с тобой общаться.

– Кто? За что? Что я такого сделала?

– Из-за родителей. Тебе никто не доверяет из-за того, что их боятся и ненавидят.

– Но ведь я...

– Знаю, Рита, но нам еще здесь работать. Извини.

Лариса ушла, а Рита еще минут 10 сидела с опустевшей головой и опустевшей душой. Потом в мозгу возникло воспоминание многолетней давности, когда дворовые ребята не взяли ее играть в «казаки-разбойники». Она в слезах пришла домой и пожаловалась родителям, на что мама сказала:

– А кто с такой размазней играть будет? Ты же не умеешь за себя постоять. Иди вон лучше посуду помой!

А папа, отведав в сторонку, посоветовал:

– Детка, зачем тебе эти бандитские игры? Лучше книгу почитай.

К кому идти за сочувствием, за поддержкой? Она одна. Она не понимает ни своих чувств, ни того, что вокруг нее происходит. Нет ни теплой семьи, ни долгожданной любви, ни веселой компании... Но это было еще не все. Та женщина, с которой Жора поздоровался, когда провожал Риту, была фабричной работницей и в течение нескольких дней родители узнали об ее свидании с Жорой. Они устроили Рите домашний террор. Сперва был скандал, при котором мама обзывала Риту последними словами, которые, впрочем, были ей не новы, а отец, как драматический актер, метался из угла в угол, схватившись руками за голову, и пафосно восклицал:

– Позор на мою седую голову! Моя дочь! С кем?! Ловелас, алкоголик! Да он, наверно, к тому же и импотент, пропил свое здоровье!

– А зачем этой бляди его потенция? Она найдет, как мужика ублажить! – подбрасывала мама масла в огонь.

Лучше грешным быть, чем грешным слыть. Рита сидела, забившись в угол своего дивана, поджавши ноги и пытаясь заткнуть уши, и мечтала только о том, чтобы у нее сейчас разорвалось сердце. Она не могла ни слова вставить в этот поток оскорблений. Она понимала, что в глазах родителей, которые никогда не давали себе заботы подумать об ее переживаниях и потребностях, она выглядит именно так.

Родители выкричались и ушли на кухню, а обвиняемая, воспользовавшись паузой, завyla в подушку. На скандале дело не закончилось. Родители стали ходить и на работу и с работы с Ритой, передавая ее друг другу в пересменку, как в детстве. За обеденным столом они разговаривали так, как будто ее не было, а если и говорили о ней, то в третьем лице. После обеда

отец демонстративно ошпаривал кипятком Ритину посуду: «Кто знает, какую заразу она от него подцепила? Не мешало бы ее в вендиспансер сводить».

Фабричные девчонки издалека здоровались с Ритой, виновато опуская глаза. Время от времени к маме подходил кто-то из сотрудников и советовал ей не верить сплетням о том, что ее дочь встречается с Жорой, потому что ее девочка достаточно умная и интеллигентная, чтобы опуститься до такого уровня. После этого Лиду ждал еще один скандал, связанный с тем, что она ославил родителей на всю фабрику. Да, поздно ее Лариса предупредила, хотя разве предупреждения останавливают, когда пришло время любить? Ни мама, ни папа не то что ни слова не спросили о ее чувствах, они даже не думали о них. Их волновала их репутация (смешные! репутацию они сами себе испортили) и послушание дочери. Упреки по поводу Жоры Рита слышала еще много лет, а впоследствии мама даже рассказала эту историю Ритиному мужу, пытаясь их посорить.

Вокруг бедной девушки образовался вакуум. Высвобожденные от страдания силы она направила на чтение и занятия музыкой. Счастье, что у нее была школьная подруга, которая к ней приходила и которую, как ни странно, уважали и мама и папа, иначе она была бы полностью изолирована от мира. Домашний арест вытеснил боль от того, что молодежь от нее отвернулась, и даже в некоторой степени облегчил переживания по этому поводу. Иначе как бы она сейчас объяснила девчонкам, почему она с ними никуда не ходит.

Нет худа без добра. Вскоре родители узнали о бойкоте. Их мнения по этому поводу разделились. Мама, хоть и ненавидела своих коллег, но в этой травле была на их стороне (мало того, что ее дочь – недотепа и размазня, так еще и ославил их своим постыдным романом). Папа на этот раз проявил себя стратегом.

– Теперь не важно, кто прав, кто виноват. Ее надо вытащить из этой шарашкиной конторы, пока они ее не сожрали, – услышала Рита папины слова, когда вечером они разговаривали с мамой на кухне. Папа созвонился со своей знакомой, которая работала зав. лабораторией в НИИ и узнал, что там есть вакансия копировщицы. В новый коллектив Рита вошла, как нож в мягкое масло.

НИИ был маленький (человек 50), но удаленный. Люди все, как на подбор, веселые, интеллигентные, начитанные. Рита сияла среди них, как ясно солнышко. Она снова оказалась самой младшей и служила всем подзарядкой. Ее обожали во всех лабораториях, тащили на все пикники и дни рождений и ей, как прежде, открывали душу и шли за советом. Собственно, она не давала советов. Она выслушивала и задавала вопросы, и в конце разговора человек почему-то благодарил ее за помощь.

В НИИ было несколько смежных филиалов, разбросанных по области. Поэтому, после долгих переговоров с Главком, начальнице был выделен персональный автомобиль и водитель. Водителя звали Олег.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.